

К. Урай-Кёхалми

НЕКОТОРЫЕ ФОЛЬКЛОРНЫЕ ДАННЫЕ О РОЛИ ЛУКА И СТРЕЛЫ В СВАДЕБНЫХ ОБРЯДАХ

Во время своего пребывания в Будапеште в марте 1961 г. Г.Д. Сапжесв сообщил мне интереснейшие и очень ценные сведения о применении бурятского лука и стрел. Некоторые из них касались символического значения этого оружия.

В благодарность Гарме Данцарановичу нам хотелось бы сейчас привести некоторые примеры из бурятского и эвенкийского фольклора, подтверждающие некоторые из этих сведений, и затем, привлекая более отдаленные связи, осветить фон одного из бурятских обычаев.

Согласно этому обычаю в бурятской свадебной процессии первый всадник, сопровождающий жениха, держит в руке стрелу "удху". Когда процессия подходит к юрте невесты, он сходит с коня, с силой распахивает дверь и вбивает стрелу в опорный столб, находящийся на женской половине юрты.

В дошедшей до нас сказке "Баян-Хара", фигурирующей в заметках известного бурятского ученого М.Н. Хангалова [6, 259-262], герой, который отправляется свататься, приблизившись ко двору Угу-кана, достает лук со стрелами и одну стрелу пускает в юго-западный угол дворца. Никто не может вытащить эту стрелу, кроме самого подошедшего героя, который, вытащив стрелу, входит во дворец и просит руки невесты. Мотив этой сказки сохраняет в себе довольно полный образ древнего обычая бурятского сватовства со стрелой.

Однако в еще более полной форме подобный обряд у эвенков описывает Г.М. Василевич [2, 362]. Раньше сватов-

256

ство здесь происходило так: жених, приближающийся к чуму девушки, пускал по направлению к нему стрелу под названием "селу" и кричал в это время "селе!". Жениха, приходу которого были рады, приветствовали в доме также словом селе. Сватовство с выпущенной стрелой встречается и в фольклоре сагайцев [3, 68-92].

Во всех этих сказках и отраженных в них обычаях стрела, пущенная в дом невесты или вбитая в опорный столб дома (юрты), выражает стремление заключить брак. Однако лук и стрелы, кроме этого, имели еще и другое, символическое значение, на которое проливают свет следующие сказки.

В одной из эвенкийских сказок, собранных опять-таки Василевичем [2, 280-284], герой во время охоты пускает стрелы в двух уток. Утки улетают вместе со стрелами. Герой, узнав, что утки являются дочерьми бога солнца Сигундара, отправляется вслед за ними. Он приходит в страну солнечных людей и берет в жены обеих девушек. На свадебной церемонии девушки появляются, сияя красотой, и в руках держат стрелы героя. Но дело не доходит до заключения брака из-за козней Сигундара. Герой побеждает только в долголетней борьбе, в ходе которой его возрождает к жизни его конь. Своей победой он обязан совету незнакомого юноши, оказавшегося подле него в критический момент. Как выясняется, этот юноша — его сын, рожденный девой солнца от стрелы, пущенной в нее героем.

Один из вариантов этой сказки записал Г.Н. Потанин у монголов под названием "Мальчик Булот-хурэ и его конь" [4, 391-395]. Ход событий этой сказки такой же, как и эвенкийской: стрела попадает в лебедя, охотник пускается в путь вслед за ним. Ценой опасных приключений, во время которых героя опять-таки возрождает к жизни конь, герой получает в жены деву-лебедя. В этом варианте сказки уже опущена стрела, которую держат в руке во время свадебного обряда, опущено и зачатие от стрелы.

Мотив стрелы, летящей к невесте, имеет место и на отдаленных от Монголии территориях. На Гаваях, например, рассказывают, что стрела Ки-ку прилетела в дом принцессы Ка-ве-лу. Герой Ки-ку идет за стрелой, находит ее у принцессы и, держа стрелу в руке, просит руки девушки [5, 37-38]. Этот рассказ очень напоминает мотив сказок из серии Царевна-лягушка и тип сказок № 402 Аарне—Томсона. Здесь, как известно, рассказывается о том, что трем сыновьям царя следует взять в жены тех девушек, к которым попадут пущенные ими стрелы. Стрела младшего царевича попадает в болото к лягушке. Царевич не без отвращения женится на ней. Далее однако Царевна-лягушка превращается в прекрасную женщину, которая во всем превосходит своих невесток. Эта сказка распространена во всей Европе и особенно в Восточной [7, 50-51; 8, 86-87].

Мотив сказки о Царевне-лягушке для нас важен тем, что он относится к тем немногочисленным сказочным мотивам, которые благодаря русскому посредству проложили путь в сокровищницу сказок сибирских народов. Его мы находим у телеутов и орочей [1, 168-172], более того, в уже упомянутом бурятском собрании М.Н. Хангалова [6, 173-174], когда данный мотив вплетается в приключения Ута-Саган-Батора [6, 150-181]. В этой сказке князь дает своим двум сыновьям по три стрелы, чтобы с их помощью они выбрали себе жен. Старший сын берет в жены девушку-лягушку, которая, однако, совершенно так же, как и в русском варианте сказки, в шитье и танцах превосходит своих невесток—обыкновенных девушек.

Мы не сомневаемся в том, что телеутским, бурятским и ороцким сказочникам мотив Царевны-лягушки понравился потому, что они его не считали чуждым. Обычай сватовства с помощью стрелы полностью перекликается с мотивами их сказок и с их традиционной символикой.

Характерная и важная символическая функция, которую выполняют лук со стрелами и выстрел стрелы из лука при сватовстве и при бракосочетании, по нашему мнению, восходит

к собирательно-охотничьему обществу первобытной эпохи, поскольку у племен этого общества овладение луком и стрелами, а также ловкость и умение метко стрелять превращает юношей в полноправных членов общества, в охотников и воинов. Именно благодаря луку они становятся в состоянии основать новую семью, могут ее содержать и охранять. (В другой своей работе мы дадим объяснение формированию символики лука и стрел. В ней же будет дана критика имеющимся в настоящее время по этому поводу гипотезам.)

Кроме того, в наконечнике стрелы, летящей к невесте и оплодотворяющей ее, мы можем обнаружить и фаллический символ, в котором стрела частично абстрагируется как типично мужское оружие. Лук со стрелами можно найти почти во всех свадебных обрядах монгольских народов, хотя в большинстве своем это оружие исполняет лишь одну функцию: жених и его свита берут его с собой [5].

Буряты и эвенки вместе со своим охотничьим образом жизни на долгое время сохранили и свои древние луки и стрелы. Они продолжают сохраняться и у монголов, обитающих в степи. Благодаря этому замечательные образцы свадебной символики в обычаях этих народов и в их фольклоре дошли до нас.

Литература

1. Аврорин-Лебедев В.А., Орочские сказки и мифы, Новосибирск, 1966.
2. Василевич Г.М., Исторический фольклор, Л., 1966.
3. Жирмунский В.М., Сказание об Алпамыше и богатырская сказка, М., 1960.
4. Потанин Г.Н., Очерки Северо-Западной Монголии, IV, СПб., 1883.
5. Рона-Таш А., Материалы к изучению монгольских свадебных обрядов, — КСИНА, т. 8, М., 1964.
6. Хангалов М.Н. Собрание сочинений, т. III, Улан-Удэ, 1960.

7. Andreev N.P., Az orosz népmese típusai, Budapest, 1960.
8. Eberhard-Borata v, Typen Türkischer Volksmärchen, Wiesbaden, 1953.
9. Ignácz Rózsa, Hawaii mesék és mondák, Budapest, 1963.

Библиографические сокращения

КСИНА – «Краткие сообщения Института народов Азии АН СССР».